

В.И. Коровин

«Благодарность»

В стихотворении позднего Лермонтова (1840) в афористической форме с особой силой поэтической экспрессии подводится итог отношений поэта с «не принявшим» его миром. Мотивы, нашедшие выражение в стихотворении, восходят к ранней романтической лирике, по-новому освещают тему богоборчества, завершая ее в творчестве Лермонтова, и смыкаются как со стихотворными («Гляжу на будущность с боязнью...», «Дума», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «Демон» и др.), так и с прозаическими произведениями («Герой нашего времени»). Обобщающий смысл стихотворения отчетливо проясняется при сопоставлении со стихотворением 1830 «Благодарю!»: если раннее «передает горькую иронию поэта над своими обманутыми надеждами в любви, то ирония второго перерастает в безрадостный итог всей жизни» (Б. Удодов), что придает стихотворению программное значение и делает его одним из самых характерных лирических изъятий жизненной позиции Лермонтова.

Трагическое чувство одиночества в мире и разлад с враждебной действительностью выливаются в дерзко-иронический вызов богу, основавшему несовершенный и парадоксальный мир. Обобщенности стихотворения способствует укрупнение масштаба лирического «Я», вступающего в непосредственный контакт с высшей духовной силой. «Ты» (бог) и «Я» (поэт) — два противостоящих друг другу, но равновеликих и могучих духа. Троекратное употребление выражения «за все», анафорическая архитектура стихотворения также оттеняют абсолютный пафос отрицания, не ограничивающийся перечислением личных страданий, а простирающийся до отказа от жизни. Интимная форма обращения, предполагающая искренность и неподдельность благодарности, оборачивается страстными обвинениями, приоткрывающими силу внутренних переживаний лирического героя; их подлинность и философская глубина создаются нагнетанием ораторских формул, взаимопереходом интимно-прозаических и патетических интонаций. Стихотворение отражает общую эволюцию стиля Лермонтова, связанную с отказом от романтической гиперболизации.

Художественный эффект достигается ироническим переосмыслением благодарности, выражаемой не за радости жизни, а за испытанные в ней страдания. Парадоксальность ситуации находит поддержку в употреблении оксюморонных, внутренне противоречивых словосочетаний («отрава поцелуя», «клевета друзей»), которые, составив сложные оппозиционные пары («горечь слез» — «отрава поцелуя», «месть врагов» — «клевета друзей») неожиданно оказываются уравновешенными в смысловом отношении и близкими по экспрессивной окраске. Ирония обнажена и в концовке стихотворения, звучащей как афоризм и противоположной по смыслу началу стихотворения. В этом трагическом итоге заключено бескомпромиссное и полное скорбной насмешки отрицание всего мироустройства, прощание с «пустыней» жизни, где был напрасно растрачен «жар души».

В лермонтоведении «Благодарность» связывают с «Молитвой» («Благодарю, творец, за все благодарю»), считая стихотворение Лермонтова ироническим переосмыслением идеи прославления созданного богом мира. В таком случае слово «тебя» не могло по цензурным причинам быть напечатано с заглавной буквы («Тебя»), как оно написано в автографе. Однако были попытки толковать стихотворение Лермонтова не как обращение к богу, а как «письмо к женщине, отвергнувшей его любовь и заставившей его страдать». Эта точка зрения лишает стихотворение той степени отрицания и обобщенности, которая типична для зрелого Лермонтова, выдвигавшего в качестве источника зла не реальное лицо, а весь миропорядок, устроенный богом.

Помимо «Молитвы», стихотворение Лермонтова соотносят также с окончанием шестой главы «Евгения Онегина» Пушкина, в котором выдержана форма благодарности прошедшей юности с анафорическими зачинами («за грусть», «за шум», «за все, за все твои дары»). Но если Пушкин, несмотря на ироническую интонацию, благодарит за действительные дары («благодарю за наслажденья») «легкой юности» (в их числе оказываются и «милые мученья»), встречая новый этап жизни, то Лермонтов заканчивает стихотворение мрачно-иронической просьбой о смерти.